

- Ну что вы, какая тусовка? Я не приемлю пустой светской жизни. И не веду ее. Эта толчея возле фуршетных столов, в прокуренных коридорах, в суетливой болтовне - она меня раздражает. Я даже по телевизору не могу этого видеть. Вручение друг другу каких-то там премий, цацок... Трата драгоценного времени, смертная скука...

Елена ОБРАЗЦОВА:

«Колбасу на гастроли теперь не беру...»

И все-таки эта роскошная, ослепительно белокубая дама с приросшей к розовым щекам улыбкой - на орбите мирового бомонда. Ее появления ждут элитные подмостки столиц, ручки ей целуют короли и президенты, ее внимания домогаются даже те, кто обычно недоступен. Но я - просто репортер, и мы с Еленой Образцовой - знаменитейшей певицей, легендой мировой музыки, - весьма удобно сидим на кухне, беседуем.

- Так что бы вы предпочли тусовке?
- Загородный сад. Книгу под зеленой лампой. Прослушивание нового диска...

- Что вы больше любите - дачу или город?

- Я городская, но муж все больше предпочитает дачу. Вот я и разрываюсь.

- Простите, Елена Васильевна, а муж у вас все тот же? Жизнь суетливая, за всем не уследишь.

- Все тот же - Альгис Жюрайтис. Люблю его по-прежнему. Как и в пору молодости, когда познакомились.

- Как это было и когда?

- В Большом театре и познакомились. Он работает в нем уже 40 лет, а я - чуть поменьше. Поначалу были партнерами, испытывали симпатию друг к другу. А потом, как это случается, в одночасье вышла любовь - и стали мужем и женой.

- Богатейший опыт семейной жизни. Не часто такое бывает. Как удалось?

- Жить с Альгисом тяжело, характер у него не изменился с той давней поры - такой же сложный. И при всем при том он - человек тонкой души.

- Большой театр - на гастролях, там и ваш благодетель. А почему вы не с колл-лективом? Неужто оторвались насовсем?

- Да, с родным театром у меня не все гладко. Знаете ли, любовь должна быть взаимной. Тогда и радость общая. Не слишком ласково зовут, так бы я сказала. В сезоне я спела там только «Аиду» и дважды - в «Бале-маскараде». А могла бы и больше. Но странная незаинтересованность руководства театра отдалила не только меня. И другие ведущие певцы и певицы мало задействованы. Больно все это. Я люблю Большой театр и готова петь на его сцене хоть за три копейки, которые там и платят. Но увя...

- А в чем все-таки дело? Вам не нравится политика худрука Васильева?

- В его политику я не очень вникаю, он больше увлечен балетом. А вот то, что в опере ничего хорошего не происходит, - это факт. Большинство газетных рецензий говорит об этом. Грустно мне рассуждать о Большом театре, тужко...

- Конечно, обидно. Ваша жизнь, ваш взлет прошли рядом с прославленными мастерами, коллегами, друзьями - Борисом Покровским, Павлом Лисицианом, Галиной Вишневской...

- Кстати, знаете ли вы с Галиной Павловной после выхода ее книги «Галина», где она о вас не очень лестно отзывалась?

- При встречах раскланиваемся, и только: здравствуйте, до свидания. У меня нет особого желания к общению... То, что она написала... Возможно, так проявилась творческая ревность, ведь я сделала большую карьеру. А впрочем, трудно сказать, что руководило Галиной Павловной, когда она сочиняла книгу. Может быть, от отчаяния, что уехала, озлобилась на всех... Но я не почувствовала горя, что мы разошлись. Хотя, если честно, вначале очень переживала, потому что очень ее любила.

- Как человека или как певицу?

- Больше как человека. Она была хорошая тетя. Открытая, никогда не рвалась показать себя лучше, чем была на самом деле. Эта открытость подкупала, ведь я была тогда совсем девочкой. Да, я ее любила и после книги была в шоке.

- Ни мести, ни злобы не осталось?

- Ни в коем случае... Бог-то есть, он все видит. («И вот эта Лена, которую я вытащила за шкуру, как тонущего щенка, и на пуховых подушках принесла в театр, бедная Лена с глазами, всегда готовыми для слез, пошла с доносом на Славу и на меня, так щедро дарившую ей самое дорогое, что у меня было, - мое искусство»). Это - из книги Вишневской «Галина». Хочу добавить, что Образцова вместе с Милашкиной, Атлантовым, Мазурком, Нестеровым после того, как Ростропович и Вишневская подали заявление об отъезде из страны, выступила с устным осуждением их «предательского» поступка.)

- Скажите, почему все-таки вы мало бываете в Москве? У вас какой-то мировой контракт?

- Отчасти так. Прилетаю домой и начинаю: то звонок в дверь, то по телефону. Так и мучусь. А в последние годы и впрямь много гастролрую. Какая-то мода на меня объявилась. Мотаюсь по свету, но и в России много выступаю. Была в Магадане (вот уж не думала, что туда доберусь). Какая добрая там публика! В Могилеве была, в Минске, на Украине. Слово отдуваю за упущенное. Знаете, как раньше? Больше трех месяцев гастроллировать запре-

щало: мол, нарушение этики, режима. А нынче только отечай на приглашения.

- Это же прекрасно: не забывают, любят, хотят. Чего еще надо?

- Недавно пела «Сестру Анжелику» Пуччини в Венеции, сейчас еду в Испанию петь в «Трубадуре». Потом с «Кармен» - в Токио, потом на «Бориса Годунова» - в Бразилию, на «Бал-маскарад» в Макао... С удовольствием пела в Баку.

- Президент Алиев ручку целовал? Он известный меломан...

- Конечно же, встречались. Алиев принял нас в правительственном дворце. Он очень интеллигентный человек...

- Раньше, как я знаю, сановные персоны Советского Союза к вам благоволит. Осыпали всеми возможными титулами и наградами. Вы и народная, и лауреат ленинской, и герой труда...

- Ну что ж, внимание всегда приятно, всегда вдохновляет. Но, честно говоря, было да слышно это внимание. Ни с кем не встречаюсь и особого внимания к себе не чувствую... Правда, знаю, что не только ко мне такое холодное отношение, но и ко многим, кто занят в классическом искусстве. Сейчас в моде девочки, исполняющие попсу.

- Не боитесь, что ваших поклонников уведут, что они остынут к бывшей любимице?

- Вы смеетесь? Нет, конечно, мой зритель - со мной навечно. Девчушки, бегавшие ко мне на спектакли, нынче стареют, но, как прежде, когда я пою, с цветами поджидают меня. Эта верность очень трогает. До слез. Я так им всем благодарна!

- А то, что нынче в моде иная музыка, иные герои... Что же, жизнь не стоит на месте. Трагедии я не вижу. Ведь и среди современных исполнителей есть настоящие, талантливые актеры. Другое дело, как прожить без Чайковского, Рахманинова, Римского-Корсакова? Не представляю.

- Елена Васильевна, вашими партнерами на сцене являются первые голоса мира: Паваротти, Монсеррат Кабалье, Доминго, Каррерас...

- Да мы просто дружим, встречаемся. Это же один мир.

- Развейте или подтвердите легенды о бешеных гонорах Лучано Паваротти. Ну, например, когда погибла принцесса Диана и он, скорбя о близком ему человеке, поначалу отказался от поездки в Россию на юбилей Москвы, то в кулуарах говорили, что смерть леди Ди лишила великого итальянца полумиллиона долларов. Судачат, будто меньше чем за двести тысяч долларов Паваротти с домашнего дивана не слезает.

- Конечно, в чужой кошелек заглядывать негоже, но и секретов я не открою. Дело в том, что Паваротти - тенор, а тенора имеют особый статус по гонорарной части. Им платят и впрямь гораздо больше, чем другим. Просто теноров мало, а хороших еще меньше. Что касается Лучано, то и на менеджеров, и на публику действует совершенно магический дар его обаяния. Он - единственный из теноров, вообще из классических певцов, собирает стадионы. Правда, и здесь есть объяснение. Когда-то Паваротти затеял в нью-йоркском Централ-парке открытые концерты на воздухе перед микрофоном. Собиралось немалое число публики... Вот оттуда и пошли вечера на открытых площадках. Мало того, сейчас Паваротти готовит вместе с... не падайте со стула - с Майклом Джексоном грандиозное шоу. Вообразите, что будет твориться и какими гонорами там пахнет.

- Но, положи руку на сердце, мне такое не по душе.

- Вы сказали: «Положа руку на сердце». Вы теперь можете пользоваться рукой? А ведь совсем недавно...

- Да, горькая история. Но и такое бывает в театре: партнер меня уронил, да так неловко, что сломала руку. Поначалу боль была несильной, я даже допела четвертый акт. А потом - целый год и гипс, и лечение, и перевязки. Что делать. Когда-то Мазурок на сцене ногу сломал, а не так давно, кажется, актер Невинный вообще чуть не погиб, упав в оркестровую яму. Издержки производства. Все ходим под Богом.

- Вы - верующий человек?

- Да, верующая. Мне кажется, что наша душа не умирает. Мы остаемся жить, а умирает только наша шкура. И над душой-то, как правильно сказал поэт, надо трудиться. По мере возможности.

- Вы пели на многих прославленных сце-

нах мира: в Вене, в Риме, в Берлине... Я слышал, что «Метрополитен-опера» занес ваше имя в свою золотую книгу. Будто бы это высшая благодарность едва ли не самого престижного театра мира.

- На сцене «Метрополитен» в Нью-Йорке я пела много-много раз. Он и впрямь стал мне родным.

- И в самом деле укладывались в отпущенные три гастрольных месяца? Не понимаю, почему только три? Вы же валюту родине добывали! Вам, наоборот, надо было продлять и продлять командировки...

- Ко мне хорошо относился тогдашний министр культуры Демичев. Благоволил мне, иногда и вправду разрешал подольше побыть за границей. А что касается валюты, то ее я, наверное, миллион заработала для страны, не меньше. Хотите случай из тех давних времен?

Демичев распорядился подарить мне рояль «Стейнвей». Привезли, поставили. Я радовалась, играла. Сменили министра, поставили какого-то Захарова - при Горбачеве это было. Новоиспеченный ничего не соображал в искусстве и первым его подвигом было изъятие подаренного мне инструмента. Замечу, рояль мне подарили пожизненно. И вот, как в семнадцатом году, когда безграмотные матросы разбивали об пол эрмитажные вазы или прокалывали штыком картины... Приехали мужики и экспроприировали мой «Стейнвей».

- Представляю ваше настроение: конечно, жалко было рояля.

- Не рояля было жалко, а хамского отношения я не вынесла, несправедливости. И случилось со мной нервный криз, изменился голос, здоровье пошатнулось. Какое-то время не выступала. Я все думала: сколько же этих «Стейнвеев» я заработала на тот миллион? Ну и обиде своей написала я Раисе Максимовне. Ответа нет до сих пор.

- Вы вспомнили Демичева. Знаете ли, поговаривали тогда: красивая женщина Образцова, почему бы министру-мужчине не поухаживать за ней? Но ведь у вас были теплые отношения и с другим министром культуры - Екатериной Фурцевой.

- Я вспоминаю ее только с добрыми чувствами. Как выдающегося министра и неординарного человека. Я восхищалась, как она с мужиками расправлялась. Неважно, кто они были, подчиненные или известные личности, деятели. Расправлялась, конечно, в положительном смысле. Как вникала в дела, как умела власть употребить.

- Конечно, было в ней и детское, и смешное. Ведь она из простых, а попала на такую культурную должность. На такую вершину. Но училась, схватывала на лету. Этот трогательный наив в поступках, в поведении сливался с решениями государственного масштаба. Вот это меня восхищало в ней, по-человечески трогало.

...Елена Васильевна в этой беседе на кухне говорила быстро, отвечала на мои вопросы не раздумывая, как если бы куда-то спешила. Я заинтересовалась, следит ли прима за модой, где обшивается, одевается, носит ли, простите, колготки «Голден леди», как Ким Бессинджер? Выяснил, что за модой помогают следить подруги, поклонницы, давние друзья. Унынешних отечественных гениев моды не шьет, предпочитая одну из немецких фирм, чей товар рассчитан на крупных женщин. Концертные платья моделирует и исполняет замечательная Маша Москвина, бывшая когда-то балериной, а ставшая настоящим художником - кутюрье. Раньше, прилетая в Нью-Йорк, в «Метрополитен-опера», Елена Образцова спешила к греку Ставропулосу, которого обойти тогда было нельзя: к нему приходили за нарядами все знаменитости. Советской оперной диве нельзя было ударить в грязь лицом, и она на все сутки, которые выписывал госконцертный бухгалтер, покупала шикарные туалеты. Приходила от грека в отель и, закрывшись в номере, доставала из чемодана кусок отечественной колбасы.

- Ах, - не удержался я и воскликнул: - Какой же вкусной была тогда московская сырокопченая!

Елена Васильевна улыбнулась:

- Ну вот, видите! И вы это помните... Но теперь я ездю без колбасы в чемодане.

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ